

Андрей Логванов
1 – 21 июня 2015 года

БЕЛЫЙ КРЫМ

военная драма с кокаином

События и действующие
лица подлинные.

Многие слова приведены
по первоисточникам.

Действующие лица

СЛАЩЁВ Яков Александрович, генерал Добровольческой армии, 34 года.

НЕЧВОЛОДОВА Нина Николаевна, ординарец и жена Слащёва, 20 лет.

САГАЦКИЙ, Иван Иванович, юнкер Константиновского училища, 19 лет.

МОРОЗОВ Василий Иванович, командир 2-й бригады донцов, 31 год.

МЕЗЕРНИЦКИЙ, Мстислав Владимирович, капитан, начальник конвоя Слащёва, 25 лет.

ДОКТОР, Михаил Афанасьевич, 29 лет.

ВРАНГЕЛЬ Петр Николаевич, главком, барон, 43 года.

ВРАНГЕЛЬ Ольга Михайловна, жена главкома, 36 лет.

КУТЕПОВ Александр Павлович, командир 1-го корпуса, 38 лет.

ВЕНИАМИН, митрополит Армии и флота Юга России, 40 лет.

Сцена первая. Николаев

Салон-вагон поезда, превращенный в штаб. Окошки занавешены. Стоит стол, заставленный пустыми бутылками. Упавшие стулья. В углу – клетка с попугаем, накрытая тряпкой. В другом – цилиндр, в котором лежат скрученные карты. На стене висит старая карта юга России. На диване спит человек, укрывшись шинелью. В вагоне темно. Слышен стук колес и гудки паровоза. Вагон маневрирует. Бутылки падают и катаются по полу. Входит ординарец Нечволодова, худая женщина с короткой стрижкой. На ней гимнастерка и галифе. Ординарец несет таз с водой, на плече у нее белое полотенце. Нина ставит таз на стол и трогает спящего за плечо.

НЕЧВОЛОДОВА (*тихо*). Яша... Вставай!
СЛАЩЁВ. А...

НЕЧВОЛОДОВА. Вставай. ... Уже поздно! (*Открывает занавески на окнах.*) Капитан Мезерницкий из Одессы вернулся.

СЛАЩЁВ. (*Садится на диване. На нем галифе и белая сорочка. Поднимает с пола подкатившуюся бутылку.*) Напомни, ...кого мы вчера разбили? Петлюру?.. Красных?.. Махно?.. (*Делает глоток.*)

НЕЧВОЛОДОВА (*собирает пустые бутылки*). Полдюжины бутылок...

СЛАЩЁВ. Достойный противник... (*Встает, надевая шинель, медленно проходит по вагону.*) Шампанское е?

НЕЧВОЛОДОВА. Только горилка...

СЛАЩЁВ... Не хочу... Зови Мезерницкого... Принеси съестного...

Нечволодова уходит. Слащев слоняется по вагону, не зная, что делать.

Подходит к столу. Умывается из тазика. Вытирает лицо полотенцем.

Входит капитан Мезерницкий. Щелкает каблуками.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Яков Александрович!

СЛАЩЁВ (*слегка шатаясь*). Докладывай... Как там? В Одесской губернии.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Нет больше Одесской губернии! (*Снимает перчатки.*)

СЛАЩЁВ. Чего вдруг? (*С трудом опускается на стул.*)

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Переименовали. В Новороссийскую область! Генерал Шиллинг.

СЛАЩЁВ. Новороссию... Малороссию... Великороссию... А по делу что? Садись. Ехал далеко.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. (*Поднимает стул и садится.*) Благодарю, Ваше превосходительство... А что Одесса..? Пирующий, спекулирующий и переполненный тыловым офицерством город. Отталкивающее впечатление... (*Достаёт папироску.*) Разрешите?

СЛАЩЁВ. Кури! (*Садится на диван.*)

МЕЗЕРНИЦКИЙ (*закуривает*). Освещение из догорающих «огарков». На Дерибасовской ещё кое-как. На остальных улицах темень. Магазины закрываются рано. В жуткой полутемноте снуёт толпа. Чувствуется что-то нездоровое, какой-то разврат, quand même, – без всякой эстетики. Перекокаинившиеся проститутки, полупьяные офицеры... Остатки культуры возле кинотеатров. Пришли смотреть Веру Холодную...

СЛАЩЁВ. И здесь не лучше. 5 августа взяли Николаев. Заплёванная гостиница «Лондонская». Разрушенный ресторан «Салем». Горящие пакгаузы в порту. На пристани царствует контрабанда. Градоначальник сбежал.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. За два года войны люди ничему не научились...

СЛАЩЁВ. Но и ничего не забыли. (*Встает, нервно ходит и оживленно говорит.*) Сначала в город вступили немцы. (*Поднимает бутылку с пола и ставит на стол.*) Ушли. Появился атаман Григорьев. (*Ставит на стол вторую бутылку.*) В порту английский крейсер. В феврале высаживаются греческие войска. (*Ставит на стол третью бутылку.*) В марте город берут красные. В апреле – французы и добровольцы. (*Ставит на стол четвертую бутылку.*) В мае – Махно. Снова красные. И вот я, Слащев!.. (*Рукой сбрасывает все бутылки.*)

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Я помню! (*Встает и тушит сигарету и подходит к Слащеву.*) С музыкой и бронепоездом!

СЛАЩЁВ (*кашляет*). Эх... эх...

МЕЗЕРНИЦКИЙ (*берет шинель и надевает на плечи Слащева*). Вы бы, Яков Александрович, переселились. Взяли бы квартиру в городе.

СЛАЩЁВ. Не хочу!.. На колесах наступать сподручнее.

Нечволодова приносит еды и ставит на стол.

НЕЧВОЛОДОВА. Яша... Поешь.

СЛАЩЁВ. Спасибо. Найди Морозова. Пусть явится ко мне в штаб.

НЕЧВОЛОДОВА *(сухо)*. Слушаюсь! *(Уходит.)*

Садится к столу и ест. Входит полковник Морозов.

МОРОЗОВ. Ваше превосходительство!

СЛАЩЁВ. Василий Иванович! Проходи! Как обстановка? *(Наливает и выпивает.)*

МОРОЗОВ. В ночь на седьмое ноября патруль задержал комсомольцев. Расклеивали на столбах прокламации.

СЛАЩЁВ. Расстрелять!.. На Адмиралтейской площади. Вместе с коммунарами.

МОРОЗОВ. ...Шестьдесят один человек будет... Однако!

СЛАЩЁВ. Что? Много? *(Вскакивает, говорит отрывисто.)* Трупы не убирать три дня... За мародерство – семь солдат и двух офицеров в первый же день повесил. И за прокламации повешу! *(Ходит между Мезерницким и Морозовым и заглядывает каждому в глаза.)* В Николаеве должны работать школы, театр и больницы. Всех большевиков, уголовников и анархистов казнить. Большевиков расстреливать с особой тщательностью... Всех саботажников, что не хотят работать в общественных учреждениях, убеждать жалованием. Жалование выплачивать из моего личного резерва...

МОРОЗОВ. Ваши, Яков Александрович, методы борьбы...

СЛАЩЁВ *(перебивает)*. Если кто-нибудь за что-либо борется, то он должен либо бороться полностью, либо бросить борьбу. Мягкотелость! Соглашательство! Ни рыба ни мясо, ни белый ни красный – это всё продукты слабоволия, личных интересов и общественной слякоти! *(Уходит и садится в дальнем углу, отвернувшись к стенке.)*

МЕЗЕРНИЦКИЙ *(Морозову)*. Василий Иванович! Генерал прав. За три недели в городе предотвратили еврейский погром и взрыв водонапорной башни. Заработала электростанция, трамваи пошли. Мусорные кучи после большевиков и махновцев убрали. Открылись лавки, рестораны...

МОРОЗОВ. А что будет, когда мы оставим город? Снова мусорные кучи?..

СЛАЩЁВ *(возвращается в центр)*. Оставим? Что оставим? Кому оставим? Василий Иванович! Что-то знаете? Докладывайте! Что на фронте?

МОРОЗОВ. Махно бросил терзать Петлюру, уничтожил наш Симферопольский полк и захватил Александровск.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Отрезал нас от Крыма?

МОРОЗОВ. Отрезал!.. Деникин требует полной ликвидации Махно.

СЛАЩЁВ. *(Берет карту, стелет на стол, выбрасывая посуду в сторону.)* Сколько сил у Махно? Где?

МОРОЗОВ. Никто не знает. Десять. Сорок тысяч. Сегодня он в одном городе, завтра в другом!.. *(Показывает на карту.)* Полтава, Кременчуг, Кривой Рог. Делает переходы по шестьдесят верст за ночь. Трижды врывался в Екатеринослав, но был отбит...

СЛАЩЁВ. Кто за него воюет?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Терять им нечего. Жалование Махно платит из карманов убитых офицеров. Никто не знает, куда он завтра отправится за жалованием. Шкуро потерял половину лошадей, преследуя Махно.

СЛАЩЁВ. Значит, пасуете?! Есть другие предложения?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Взять армию Махно на содержание.

МОРОЗОВ. Как проститутка Махно обойдется очень дорого.

СЛАЩЁВ. Нет! Господа! Вздор! Будем бить Махно с помощью железной дороги!.. Он гуляет как ветер в поле. Здесь! Здесь! Здесь! *(Показывает на карту.)* В Донбассе густая сеть

железных дорог. Будем перебрасывать части вагонами и гнать его бронепоездами. Он на тачанке, а мы на поезде. Он нас ждет со стороны Таганрога, а мы ударим со стороны Лозовой. Я загоню Батьку обратно за Днепр, а генерал Шиллинг из Одессы или уже из этой...

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Новороссии...

СЛАЩЁВ. Новороссии. Пусть его добьет! Как думаете? Василий Иванович?

МОРОЗОВ. Смелый план! Может сработать...

Входит Нечволодова с телеграфной лентой.

СЛАЩЁВ. Что там?

НЕЧВОЛОДОВА. Телеграф от Главкома.

СЛАЩЁВ. Читай!

НЕЧВОЛОДОВА (*читает*). Директива. Отдать генералу Шиллингу на Одессу бригаду Склярова. С остальными частями отходить в Крым и Северную Таврию. Удерживать всеми силами. Главнокомандующий силами Юга России Деникин.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Вот вам и Махно!

СЛАЩЁВ. Василий Иванович! Что у нас останется без бригады Склярова?

МОРОЗОВ. 13-я дивизия – восемьсот штыков, 34-я дивизия – тысяча двести штыков, 1-й Кавказский стрелковый полк – сто штыков. Славянский полк – сто штыков. Чеченцы – около двухсот шашек. Конвой Штакор-3 – сто шашек. Моя бригада донцов – тысяча шашек.

СЛАЩЁВ. Итого: две тысячи двести штыков и тысяча двести шашек...

МЕЗЕРНИЦКИЙ. При тридцати двух орудиях... На четыреста верст фронта? Удержать Северную Таврию и Крым? Командование, видимо, считает Крым приговоренной к сдаче территорией. Столь ничтожными силами мы ничего поделать не сможем.

СЛАЩЁВ. Не сможем... Если будем оборонять Северную Таврию.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Переброска в Крым утомит войска. После такого перехода они утратят всякую боеспособность.

СЛАЩЁВ. Поедем по железной дороге. (*Тычет пальцем в карту.*) Из Екатеринослава. Грузим 34-ю дивизию в вагоны – и на Николаев. Из Николаева транспортом на Крым.

Морозов берет у Нечволодовой телетайп и читает.

МОРОЗОВ. Ставка настаивает на защите Северной Таврии.

СЛАЩЁВ. Северную Таврию удержать не сможем. На оборону Крыма я буду смотреть не только как на вопрос долга, но и чести!

МОРОЗОВ. Приказ самого Деникина!

СЛАЩЁВ. Деникин? (*Сворачивает карту.*) Как тут не позавидовать Махно.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. ...?

СЛАЩЁВ. Над ним нет Деникина... Господа офицеры! (*Морозов и Мезерницкий встают по стойке смирно.*) По вагонам. Следующая остановка – КРЫМ!

Сцена вторая. Крым

Салон-вагон. Входят Митрополит Вениамин, одетый в рясу, и ординарец Нечволодова. На Нине белая гимнастерка с двумя георгиевскими крестами.

НЕЧВОЛОДОВА. Обождать здесь!.. Как к вам следует обращаться?

ВЕНИАМИН. В прежние времена – «Ваше святейшество». Был рукоположен епископом Севастопольским... Мне бы повидать генерала Слащёва...

НЕЧВОЛОДОВА. Ждите!.. *(Достает папиросу и закуривает.)* Уехал в Симферополь... Большевиков арестовывают... Вы курите?.. Что? Дым не переносите? Теперь война. Не время кринолин носить.

ВЕНИАМИН. У меня ряса!

НЕЧВОЛОДОВА. Тогда не тряситесь как осина. Не в ЧК на допросе.

ВЕНИАМИН. Я отсидел неделю под арестом. Пока белые не освободили. Следователя моего приговорили к расстрелу. А я ходатайствовал.

НЕЧВОЛОДОВА. За убийц?!

ВЕНИАМИН. Красную власть просил. Теперь белую... О заступничестве. У меня до генерала Слащёва дело имеется.

Входит Мезерницкий.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Нина Николаевна! Интендант просил вас в третий вагон.

НЕЧВОЛОДОВА *(Вениамину).* Ладно. Ждите! Яша скоро приедет. *(Тушит сигарету в пепельнице на столе, уходит.)*

МЕЗЕРНИЦКИЙ *(Вениамину).* К генералу Слащёву?

ВЕНИАМИН. Да, Ваше благородие! *(Заискивающе, слегка кланяясь.)*

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Ну, полноте! Епископ вроде генерала, а я всего лишь капитан... Яков Александрович должен вернуться. Если день без повешенных, то скоро.

ВЕНИАМИН *(крестится).* Царство небесное! Спаси и сохрани!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Да вы присаживайтесь. В ногах правды нет!

ВЕНИАМИН. Правды сейчас нигде нет. *(Садится. Сидят молча.)* Извините... Что это за форменная барышня меня пустила?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Где ж вы барышню видели?

ВЕНИАМИН. Такая худая, с серыми сумасшедшими глазами, коротко стриженная, нервно курившая папиросу за папиросой.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Нечволодова, ординарец генерала Слащёва!

ВЕНИАМИН. Ординарец?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Нина Николаевна. Можно просто... жена.

ВЕНИАМИН. ДА??? Жена... «И сказал ангел: «Жена сия есть святая Мария, мать Господа»...

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Да вы не думайте – бабенка, война, не место. У нее два креста за германский фронт. Еще до Брусиловского прорыва. Она Слащёва с того света спасла. И в атаку пойдет, и бинты наложит. Без нее Слащёв пропадет... Ошибётся с кокаином...

ВЕНИАМИН. С кокаином? Однако!!!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. А вы, батюшка, попробуйте в седле скакать на вражескую позицию в с пулей в брюхе... Без кокаина не получится... красивой смерти.

ВЕНИАМИН. Господь всех призывает!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Весной Якова Александровича ранили сильно. На Ак-Монайских позициях. Три пули из пулемета в живот. У Слащёва жар и беспомощность. А тут вышло отступление. Сестра милосердия взвалила раненого на лошадь – и в тыл. Еле выходила. Теперь при Слащёве и днем и ночью. Ординарец Нечволодова.

ВЕНИАМИН. А как же... закон Божий?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Полный порядок. Яков Александрович женился.

ВЕНИАМИН. Я уж думал...

Входит Слащёв. На нем красные шаровары и белый китель, на голове папах.

ВЕНИАМИН. ...не дождусь...

Мезерницкий встает по стойке смирно.

СЛАЩЁВ. Вольно! (*Проходит к Вениамину.*) Небесное воинство? Чем обязан?

ВЕНИАМИН (*встает и кланяется*). Вениамин. Владыка Севастопольский.

СЛАЩЁВ (*Жмет руку*). Рад! Садитесь! Я прошу вас быть со мной совершенно откровенным. Обещаю вам, что для вас ваша откровенность не будет иметь никаких последствий. Всё – между нами.

ВЕНИАМИН. Что вы, Бог с вами, генерал. Я привык всегда откровенно высказывать свои мысли и никакой тайны из них делать не намерен. Я... в поисках заступничества...

СЛАЩЁВ. Жаловаться будете? Садитесь!

ВЕНИАМИН (*садится*). Не могу указать, что воинские части всегда ведут себя как следует...

СЛАЩЁВ. Грабят?! Чеченцы?!... Никакого сладу! Пошлю их на Тюп-Джанкой. Там бедные татары. Грабить некого!

ВЕНИАМИН. Они же воюют на нашей стороне...

СЛАЩЁВ. Мне говорят – грабежи не доказаны, а в бою горцы спасут всё! Вздор! Это еще Лермонтов знал. Расформировать и выслать на Кавказ!..

ВЕНИАМИН. Беглецы запрудили Крым. Расселись по деревням. Шайки голодных людей живут на средства населения. Моих прихожан.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Части по три-пять месяцев не получали довольствия... Что ни город, то штаб, что ни деревня, то банда.

СЛАЩЁВ (*Мезерницкому*). Мстислав Владимирович! Принимайте меры! (*Вениамину.*) Сколько могу!

ВЕНИАМИН. Власть, опирающаяся на доверие населения...

СЛАЩЁВ. Ну это пустяки, когда нужно бить большевиков!

ВЕНИАМИН. Всюду жалобы на злоупотребления старой администрации...

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Во главе гарнизонов Крыма стоят лица старого режима.

СЛАЩЁВ. Назовите их! Я с ними живо расправлюсь... А знаете, я везу с собой шесть большевиков. Да-да. В этом поезде.

ВЕНИАМИН. Каких большевиков?

СЛАЩЁВ. Отпетых! В Севастополе сейчас неспокойно. Идёт сильнейшая пропаганда. Малейшие волнения в тылу могут всё погубить. Вот я и решил арестовать главных севастопольских смутьянов, на которых мне там указали. Теперь везу на фронт.

ВЕНИАМИН. Зачем же вы их везёте?

СЛАЩЁВ. Вы думаете, что я их расстреляю? Нет! Велю вывести за линию наших позиций и там отпущу на все четыре стороны. Если они находят, что большевики лучше нас, пусть себе у них и живут, а нас освободят от своего присутствия... (*Наливает и выпивает.*) Рабочие обещали сидеть тихо. У меня с ними уговор. До первого марта.

ВЕНИАМИН. Почему только до первого марта?

СЛАЩЁВ. Тогда всё решится. Удержим Крым или нет.

ВЕНИАМИН. Господь с Вами! ... (*Встает.*) Мне пора. Обрато. В Севастополь.

СЛАЩЁВ. Не смею задерживать. Вот если бы Господь подкинул мне пару рот своих ангелов. Вы уж похлопочите. Молитвами. (*Провожает к выходу*). Будете в Севастополе, скажите всем: Слащёв Крым не сдаст.

ВЕНИАМИН. Непременно... (*Уходит.*)

СЛАЩЁВ (*Мезерницкому*). Мы должны спасти Крым. Последнее убежище белых армий.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Какова диспозиция?

СЛАЩЁВ (*чертит что-то шашкой на полу*). Деникин катится к Новороссийску. Генерал Шиллинг отходит к Одессе. 13-я армия красных наступает на Крым.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Красные одной дивизией нас прихлопнут.

СЛАЩЁВ. Может, прихлопнут. А может, и подавятся. Данные аэропланов есть? Где красные?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Да! (*Достает из планшета.*) Из Мелитополя и Бердянска.

13-я армия красных: 3-я, 9-я, 46-я и Эстонская дивизии. 8-я и 11-я кавалерийские дивизии...

СЛАЩЁВ. Подай бумагу!

Мезерницкий разворачивает и держит большой лист бумаги.

Слащёв рисует контур Крыма.

Це Крым! Захватить его легко! А вот удержать... невозможно. Береговая линия вон какая длинная. Везде караулов не поставишь. Залив вброд перейти раз плюнуть. Десант высадить можно тут, тут и тут.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. У красных нет кораблей.

СЛАЩЁВ. Правильно! Они попрут в лоб. Через Перекоп. (*рисует стрелку наступления*)

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Зароемся в землю и умрем.

СЛАЩЁВ. Нет. Мы отойдем в тыл.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Тыл?

СЛАЩЁВ. В тыл! Как там у Пушкина?

«Надо рать убраться с границы
И поставить вкруг столицы.
Мы же в стольном граде сём
Яств и питий запасём.
Враг увидит, что столица
Ест и пьёт и веселится,
Он от страха задрожит.
Без оглядки побежит!»

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Не понимаю я вас, Яков Александрович.

СЛАЩЁВ. Что имеется на Перекопе?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Четыре старых орудия и несколько окопов с проволокой. Зимой на Перекопе жить негде...

СЛАЩЁВ. Вот и предоставим эту пустыню противнику. Пусть мерзнет! А мы посидим в тепле. Я совершенно не признаю сидения в окопах. На это способны только хорошо выученные войска. Мы не выучены! Мы слабы! Можем действовать только наступлением. И нам необходим быстрый подвоз войск к месту главного удара.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Подвод мало. Их сбор озлобляет население.

СЛАЩЁВ. Значит, построим железную дорогу.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Как? Из чего? Какими силами?

СЛАЩЁВ. (*рисует*) От Джанкоя до Перекопа. Снимем рельсы с других веток. Пусть кладут рельсы прямо в степь. Сверху присыпаем землей.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Поезда не поедут.

СЛАЩЁВ. Поедут! Медленно, но поедут. Двенадцать миль в час. Этого достаточно. Ни подвод, ни лошадей. На Перекопе поставим роту охранения. А резерв разместим у Юшуня. (*ставит на карте крест*) Красные ворвутся в Крым, чтобы сбросить нас в море. А мы двинем бронепоезда и танки. Развернем кавалерию Морозова в лаву. Пошумим как следует. Напугаем красных – и назад в Крым. Исполнять!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. *(Сворачивает лист)* Слушаюсь!

Сцена третья. Массандра

Салон-вагон. Нечволодова кормит попугая грецкими орехами: колет орехи с помощью бутылки шампанского и молотка. Дает попугаю.

НЕЧВОЛОДОВА *(попугая)*. Ешь! Яков Александрович любит, когда ты много кушаешь.
Входят Морозов и Мезерницкий.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Василий Иванович! Разрешите поздравить! Донцы гнали красных до самого Перекопа!

МОРОЗОВ. Благодарить надо не меня. Генерала Слащёва. Это он «сочинил» капкан, куда угодил противник как по нотам.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Сообщите подробности?!

МОРОЗОВ. Извольте!.. Как только 46-я дивизия красных подошла к Перекопу, Славянский полк дал пару залпов, снял замки с орудий и тикать... Красные, не ожидая подвоха, втянулись в перешеек. Вечером Виленский полк, опираясь на пулеметы, остановил их продвижение. Бой замер в темноте. В тылу началась паника. Деникин шлет Слащёву запрос: «По сведениям от англичан, Перекоп занят красными, что вы думаете делать дальше в связи с поставленной задачей?» А Яков Александрович ему в ответ: «Взят не только Перекоп, но и Армянск. Завтра противник будет наказан.» В тылу паника. Все складывают вещи. Губернатор Татищев беспрестанно запрашивает штаб о состоянии дел. Я со своими донцами ночевал у Мурза-Каяша, а утром мы обратили противника в паническое бегство. Яков Александрович телеграфирует губернатору: «Вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов». ...Кстати, а где он сам?

НЕЧВОЛОДОВА. Телеграфирует в ставку!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Про «всю тыловую сволочь»?

МОРОЗОВ. Наши газеты уже раздули из этой фразы сенсацию. Нина Николаевна. Достаньте-ка нам свежих симферопольских газет. Очень уж интересно, как войну преподносят у нас в тылу.

НЕЧВОЛОДОВ. Газеты надо не читать, а курить! Держите эти глупости.

Достает и отдает пачку газет на стол.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. И мне позвольте! *(Берет себе газету.)*

МОРОЗОВ *(разворачивает газету)*. Ну вот! Как я и ожидал! Вы только послушайте. *(Читает.)* «После случайной победы Слащёв допивается в своем штабе до того, что заставляет катать себя ночью по Сивашу в телегах, не давая солдатам спать.»

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Где ж им понять?! Обойдут нас красные по льду Сиваша. С артиллерией или без. У меня, Василий Иванович, заметка похлеще. Оказывается, *(читает)* «Никакого генерала Слащёва не существует. Это вымышленная фигура. Под этим именем скрывается великий князь Михаил Александрович – брат покойного государя-императора. Михаил счастливо избежал расстрельной пули и теперь мстит большевикам в крымских степях.

МОРОЗОВ. Великий князь жив?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Выходит, что да! Нина Николаевна, как вам это? Не хотите ли быть великой княгиней? Может, теперь к вам следует обращаться «Ваше высочество»?

НЕЧВОЛОДОВА. Вздор! Ерунда! Моветон! *(Продолжает кормить попугая.)*

МОРОЗОВ *(берет другую газету)*. А здесь и вовсе трогательная история. «Красные вели безбожный обстрел наших позиций. Вдруг прямо перед окопами появился автомобиль, откуда вышел Слащёв. Обошёл офицеров и солдат. Сообщил, что вслед за ним идут сильные

подкрепления в лице французских и греческих войск. Войска отвечали громким «ура». Слащёв вошёл в свой автомобиль, и в эти мгновения три пулемётные пули попали ему в спину. Как подкошенный, Слащёв сел на сиденье автомобиля, и в тот же момент шофёр пустил автомобиль быстрым ходом вперёд. Никто на позиции не заметил, что их любимый начальник ранен. Никаких французских и греческих подкреплений за Слащёвым не было, но одно его личное появление на позиции спасло положение...»

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Совсем не правдивая история.

МОРОЗОВ. Но правдоподобная...

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Это мы у Нины Николаевны можем спросить. Она всё про ранения генерала знает. *(Нечволодовой.)* Так было дело?

НЕЧВОЛОДОВА. Совсем не так! Он три пули в живот получил. Фистула не заживает. Без кокаина сильно болит.

МОРОЗОВ. Что еще пишут, капитан?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. У меня целая канонада критики. Слушайте! «Хороший строевой офицер, генерал Слащёв, имея сборные случайные войска, отлично справлялся со своей задачей. С горстью людей среди общего развала он отстоял Крым. Однако полная, вне всякого контроля, самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину, он в атмосфере общего развала окончательно запутался...»

На улице раздаётся автомобильный гудок. Нечволодова подходит к окну.

МОРОЗОВ. Что там?

НЕЧВОЛОДОВА. Яша приехал. В автомобиле. Запутался...

Входит юнкер Сагацкий. У него в руках ящик «Массандры».

САГАЦКИЙ. Разрешите войти?!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. По какому случаю?

САГАЦКИЙ. Юнкер Сагацкий. Генерал Слащёв велел доставить ящик. Из автомобиля.

МОРОЗОВ *(подходит и берет бутылку из ящика).* Действительно «Массандра»! *(Юнкеру.)* Ставьте на стол.

Сагацкий ставит ящик и направляется к выходу. Входит Слащёв.

СЛАЩЁВ. Отставить! Завтра отвезете депешу командиру Константиновского училища. Будете пировать с нами.

САГАЦКИЙ. Слушаюсь, Ваше превосходительство!

СЛАЩЁВ. Снимайте шинель – и к столу!

МОРОЗОВ. По какому случаю «монплеzir»?

СЛАЩЁВ. Выпьем за победу и выговор от Деникина! Здорово мы их всех напужали!

МЕЗЕРНИЦКИЙ *(Слащёву).* Вы стали героем Крыма. Газеты только и пишут о Слащёве. Все барышни цитируют ваши приказы. «Вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов...» *(Смеется.)*

СЛАЩЁВ *(берет бутылку).* Смотрите, господа! Лучшее из вин Льва Голицына. Нина! Неси бокалы!

Бросает бутылку Мезерницкому, тот ловит. Нечволодова приносит бокалы.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Бутылка 1855 года!

МОРОЗОВ. Подделка!

САГАЦКИЙ. А что здесь было в 55 году..?

СЛАЩЁВ (*открывает бутылку*). Здесь англичане с французами изводили Севастополь бомбардировками. Героическая оборона. Сам граф Толстой в юности об этом писал. Гадко воевали, бездарно. Черноморский шторм уничтожил англичан и французов больше, чем вся императорская армия. (*Разливает по бокалам.*)

МОРОЗОВ. Но признайте! ... Оккупанты уплыли на своих пароходах.

СЛАЩЁВ. А наши бездарные вояки сразу же принялись мстить крымским татарам...

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Надо же как-то за татаро-монгольское иго поквитаться. Они нас, а мы их.

СЛАЩЁВ. Это вы татарам скажите. Они тут пятьсот лет живут. Армии приходят и уходят. А они живут и сухофрукты кушают...

МОРОЗОВ. Бросьте, господа, эти разговоры. Вино разлито! Прошу! Нина Николаевна! (*Подает Нечволодовой бокал.*)

НЕЧВОЛОВОДА. Что пьем?

МОРОЗОВ. Мадеру!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Мадеру Распутин любил... Я предпочитаю херес. Но от мадеры не откажусь.

МОРОЗОВ. Яков Александрович, скажите тост!

СЛАЩЁВ. За КРЫМ!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. За победу!

МОРОЗОВ. За вас, Нина Николаевна!

Все чокаются и пьют.

СЛАЩЁВ. На меня теперь сыплются выговоры за всё. За чеченцев! Не даю грабить! За склады! Передел своих солдат. Даже за то, что разбил красных! Теперь придется еще год воевать! Налейте еще! Нина! У нас кокаин остался?

Сцена четвертая. Юшунь

Салон-вагон. Мезерницкий сидит на диване и играет на гитаре.

МЕЗЕРНИЦКИЙ (*поет*). Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло...

Входит Слещёв. Мезерницкий вскакивает.

СЛАЩЁВ. Мстислав Владимирович! У нас в тылу процветает сепаратизм! (*Расстегивает портупею.*) Даже Наполеон появился.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Кто?

СЛАЩЁВ. Капитан Орлов!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Капитан Орлов? Помилуйте. Я думал, вы назовете славные имена Корнилова, Деникина, Колчака...

СЛАЩЁВ. Очень примечательная личность, между прочим.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Что же такого сотворил этот Орлов?

СЛАЩЁВ. Когда мы гнали красных за Перекоп, Орлов в Симферополе арестовывает коменданта, губернатора, начальника гражданской части. Даже начальника штаба войск Новороссии.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Всех генералов?

СЛАЩЁВ. Да. Орлов хочет быть командующим в Крыму. Откуда только такие Наполеоны берутся?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Крым принял тысячи беженцев из Новороссийска, Туапсе и Одессы. Я слышал, что у Орлова был мандат на формирование в Симферополе «Особого отряда обороны Крыма». Теперь, кажется, это 1-й Симферопольский добровольческий полк.

СЛАЩЁВ. Целый полк! Открытое восстание! Как он посмел! Арестовал крымского губернатора от моего имени! А что я? Действительно отдавал такой приказ? Кажется, я вызывал его на фронт, а приказов бузить в тылу не подписывал!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Яков Александрович. Как вы думаете спасти положение?

СЛАЩЁВ. Телеграфируйте Орлову немедленно! В Симферополь! «Если не освободите арестованных, то взыву я!».

Пауза. Слащёв нервно ходит по вагону.

Через полчаса вторую телеграмму: «Бывшему отряду Орлова построиться на площади у вокзала для моего осмотра». Капитан Мезерницкий! Вы – начальник моего конвоя! Грузитесь в поезд! И на Симферополь!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. У Орлова пятьсот человек. А если не подчинится? Будем стрелять? В своих?.. (*Слащёв молчит.*) Орлов родом из Симферополя. Воевал на германском фронте в рядах 60-го Замосцкого полка. Князь Оболенский характеризует Орлова как георгиевского кавалера, храброго и порядочного.

СЛАЩЁВ. Эк вы претворялись, что Орлова не знаете?! Капитан Орлов – неудачник! За время войны не подвинувшийся выше капитана. ... Еще один испуганный интеллигент. Конечно, правда за ним есть. Восстал против произвола трусливых генералов. Генералы Шиллинг и Деникин утратили всякий авторитет. Позорная эвакуация из Одессы и Новороссийска разочаровала солдатские массы. Теперь за дело берутся капитаны. Только они почему-то не спешат на фронт бить красных, а разлагают наш тыл заговорами и переворотами.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Вообще Орлов вряд ли бы отважился на свою предательскую выходку, если бы не поддержка крымских начальников.

СЛАЩЁВ. Кто? Назовите фамилии!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Начальник ялтинского гарнизона Зуев. Полковник Протопопов из Алушты.

СЛАЩЁВ. Протопопова знаю! Вызовите его ко мне! С докладом! ... Наши генералы и полковники не слишком крупного капитала. Сплошь из бедных монархистов. Для них война – вид обогащения. А как только красные поднажмут, бросают войска – и за границу. Мелкое офицерство протестует, и нам теперь разбираться с орловщиной...

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Разрешите идти?!

СЛАЩЁВ. Идите! Привезите мне голову Орлова или что там от него останется...

Мезерницкий уходит. Входит Морозов.

МОРОЗОВ. Красные снова подтягивают силы в Крыму. Шумят и на Перекопе, и на Чонгаре. 34-я дивизия сидит в окопах на Юшуне. Ждет приказа.

СЛАЩЁВ. Кто командует красными?

МОРОЗОВ. Павлов. Бывший офицер лейб-гвардии Волынского полка.

СЛАЩЁВ. Вы его знаете?

МОРОЗОВ. Капитан Мезерницкий с ним вместе служил. Павлов талантлив и лично храбр. Участвовал в нашем разгроме под Орлом.

СЛАЩЁВ. Сколько красных пойдет на Крым?

МОРОЗОВ. Тысяч восемь. Это без кавалерии.

СЛАЩЁВ. А у нас?

МОРОЗОВ. Около пяти. Вместе с отрядом Орлова.

СЛАЩЁВ. Без Орлова! Орлов опять сбежал. Бросил фронт и движется на Симферополь. Я послал за ним Мезерницкого с конвоем.

Входит Мезерницкий с бумагой.

А вот и он! Какие новости от наших крымских наполеонов?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Отряд Орлова окружен у Сарабуза. Офицеры застрелили восемь человек и бросились к пулеметам, но были схвачены. Орлов скрылся в горах. Шестнадцать офицеров Орлова приговорены к смертной казни. *(Подает приговор Слащёву.)*

СЛАЩЁВ *(подписывает)*. Расстрелять! Погоны позорить нельзя!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Яков Александрович! Протопопов тоже сбежал к Орлову. Его арестовали свои же подчиненные и доставили в контрразведку. Военно-полевой суд приговорил...

СЛАЩЁВ. Дело сделано! Давайте и его приговор. Подпишу!

МОРОЗОВ. Я считаю, что нужно запросить Деникина...

СЛАЩЁВ. Зачем? Я утверждаю приговор. *(Забирает у капитана бумагу и подписывает.)*

МОРОЗОВ. Он – убежденный монархист. У него большие связи с крымской буржуазией.

СЛАЩЁВ. Замечательно!

МОРОЗОВ. Его знают в Ставке!

СЛАЩЁВ. Прекрасно!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Он сам из казаков.

СЛАЩЁВ. Великолепно! Я приказал ему выехать ко мне, а он поехал к Орлову. Открыл карты. Я расстрелял в Николаеве шестьдесят большевиков. А тут всего лишь один монархист, изменивший присяге. Это для них урок. Пусть говорят: если Слащёв так взыскивает с верхов, то что он сделает с простыми смертными? Понятно выражаюсь? А что Орлов?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Прячется в горах. Выпускает прокламации.

СЛАЩЁВ. Вот сукин сын! Захватил в Симферополе десять миллионов и еще пять в Ялте. А содержание не выдал. Орловцы теперь за меня.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Мне кажется, Яков Александрович, что вы совсем недооцениваете масштаб собственной личности.

СЛАЩЁВ. Это вы опять про Наполеона?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. По крайней мере, стоит задуматься.

СЛАЩЁВ. «Мы все глядим в Наполеоны, двуногих тварей миллионы...». Я лишен честолюбия. Многие меня до сих пор называют «полковник Яшин». По службе у Шкуро. Чтобы быть Наполеоном, нужно иметь не только военный, но и административный талант. Меня же все эти тыловые вопросы абсолютно не интересуют. Нужно строить тыл. А я умею только воевать...

МОРОЗОВ. Английская революция породила Кромвеля. Французская – Наполеона...

СЛАЩЁВ. У нас что-то никого пока не видно. Даже Орлов оказался мухой. *(Бьет газетой по столу, изображая убийство мухи.)* И бог с ним! Полковник Морозов. Давайте теперь думать, как разбить красных на Юшуньской позиции.

Сцена пятая. Джанкой

Салон-вагон. Нечволодова берет вакуу и начищает свои сапоги. Видит один сапог Слащёва.

Берет, крутит в руках, потом тоже плюет и начищает. Входит Слащёв. Он идет, опираясь на палочку. Одна нога в сапоге, другая в валенке. Он шатается, чуть не падает. Нина бросается к нему, усаживает на диван.

СЛАЩЁВ. Нина!.. Тоска. Сходи в город. Купи чего-нибудь.

НЕЧВОЛОДОВА. Что купить?

СЛАЩЁВ. Орехов для попугая, что ли...

НЕЧВОЛОДОВА. Еще два мешка есть. *(Показывает на мешок с орехами, что лежит на диване.)*

СЛАЩЁВ. Просто так сходи. Променнад сделай. Я бы тоже пошел, да валенок не велит... *(Стучит палкой по валенку.)*

НЕЧВОЛОДОВА. Сильно болит?

СЛАЩЁВ. Изводит!

НЕЧВОЛОДОВА. В Симферополе закрыты все лавки и магазины.

СЛАЩЁВ. Почему?

НЕЧВОЛОДОВА. Протестуют... Против тебя протестуют. Давеча делегатов повесил.

СЛАЩЁВ. Они сильно нахальничали. Угрожали забастовкой. ... Ты лавочникам передай: «Немедленно открыть лавки. Иначе приеду. Слащёв». *(Тянется рукой к мешку с орехами, мешок падает, орехи просыпаются. Слащёв играет с мешком.)* У меня мешков на всех хватит!

Нечволодова отходит к окну, открывает его и закуривает.

Нина!.. Нина! Ты стихи знаешь?

НЕЧВОЛОДОВА *(идет и берет пепельницу со стола).* «От расстрелов идёт дым *(стряхивает пепел)*, то Слащёв спасает Крым».

СЛАЩЁВ *(крутит в руках веревку).* Да! Не Вертинский! Все говорят: Слащёв – вешатель! От Слащёва всем досталось. Красному подполью, анархистам-налётчикам, безыдейным бандитам, шкурникам-спекулянтам, хулиганствующему «офицерью». Приговор один – виселица. Исполнение не затягивать. *(Делает узел.)* Вешать на фонарях, мостах, козловых кранах и опорах пакгаузов. И на деревьях, конечно. Мешки! Мешки! Мешки! Не люблю эти скорченные лица. Под каждым чёрная доска. Имя! Положение! Преступление! И моя подпись – сколько дней висеть трупу...

НЕЧВОЛОДОВА. Это жестокость!..

СЛАЩЁВ. В годы войны жестокость является нормой. Я лишь забочусь о том, чтобы она была справедливой.

НЕЧВОЛОДОВА. А помнишь, как твои адъютанты вытащили из постели Вертинского?! Он после концерта. Уставший. А они: «Извольте пожаловать к Слащёву».

СЛАЩЁВ. Так хорошо же пел! Душевно! Про мальчиков... *(Поет из Вертинского.)*

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожащей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!

Пауза.

НЕЧВОЛОДОВА. Ты предлагал ему кокаин...

СЛАЩЁВ. Этого добра у меня много... Почему никто не хочет кокаин? А все хотят власти? Кокаин же намного лучше. Чище. Он белый! Как Крым!

Входит юнкер Сагацкий с ружьем. Отдает честь.

САГАЦКИЙ. Командир Добровольческого корпуса генерал Кутепов.

Входит генерал Кутепов. Сагацкий уходит.

КУТЕПОВ. Генерал Слащёв! *(Отдает честь и щелкает сапогами.)* От имени главкома Вооруженных сил Юга России приветствую спасителя Крыма! Извините, что без церемоний. Война!

СЛАЩЁВ. Это вы извините. Не могу встать. Старая рана. *(Поднимает ногу с валенком.)*

КУТЕПОВ. Сидите, сидите, Яков Александрович! Я ненадолго. Нужно разместить войска. Эвакуация...

СЛАЩЁВ. Бегство!

КУТЕПОВ. Да! Мы еще поборемся. Еще есть Крым!

СЛАЩЁВ. Крым погубит Россию.

КУТЕПОВ. Почему вы так думаете?

СЛАЩЁВ. Потому что Россия владеет Крымом не по совести. Здесь татарская земля. Ни воды, ни ресурсов.

КУТЕПОВ. Ну да Бог с этим. Я к вам от Антона Ивановича. Как вы относитесь к тому, что Деникин прибудет в Крым из Новороссийска?

СЛАЩЁВ. Он главнокомандующий. Ему виднее.

КУТЕПОВ. А вы?

СЛАЩЁВ. А что я?

КУТЕПОВ. Как вы относитесь?

СЛАЩЁВ. Я командир Крымского корпуса. Я должен подчиняться вышестоящему начальству.

КУТЕПОВ. Но какое-то мнение по этому поводу у вас сложилось?

СЛАЩЁВ *(машет палкой как саблей).* Я буду исполнять свой долг, который состоит в том, чтобы всеми имеющимися в моем распоряжении силами защищать Крым.... Деникин засыпал меня выговорами...

КУТЕПОВ. Значит, вы настроены против Антона Ивановича. Петр Николаевич Врангель...

СЛАЩЁВ. Оставьте! Увольте! Не продолжайте! Вся эта подковёрная игра мне не интересна... Красные готовят новое наступление. Подвозят резервы. Я должен быть в форме... *(Пытается встать, Нечволодова ему помогает.)*

КУТЕПОВ. Извините, Яков Александрович! Честь имею кланяться. Мое присутствие затянулось. Прощайте!

Кутепов уходит.

СЛАЩЁВ. Понаехали цветные полки. Теперь прощай, порядок в Крыму! Надоело всё. Юнкер! *(Появляется Сагацкий.)* Подайте автомобиль. Сам уеду.

Слащёв ковыляет к выходу. Нечволодова его поддерживает.

Становится темно. Слышны гудки паровоза и стук колес. Снова загорается свет.

Входят Мезерницкий и Нечволодова.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Нина Николаевна!

НЕЧВОЛОВОДА. Привезли Яшу?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Да!

НЕЧВОЛОВОДА. Как он?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Угомонился... Повесил двух офицеров. День прошел зря.

НЕЧВОЛОВОДА. Было за что?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Ограбили в Симферополе ювелира. Овладели дорогими перстнями и начали в притоне азартную игру. Яков Александрович лично арестовал грабителей с

перстнями на пальцах, отвёз их на своём автомобиле в Джанкой и... приказал повесить на столбах перед вагоном. Собственноручно подписал: «Висеть три дня».

НЕЧВОЛОДОВА. Ювелира грабить – не с красными драться.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. ...Один был любимцем Врангеля.

НЕЧВОЛОДОВА. Погоны позорить нельзя! Хоть обедай у Врангеля.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. У главкома должны быть свои любимчики, прихлебатели, окружение. А у Якова Александровича окружения нет.

НЕЧВОЛОДОВА. Это плохо?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Без союзников нельзя стать Наполеоном и выиграть войну. А Слащёв всё делает один. Советуется только с (*оглядывается*) ... с попугаем! (*Подходит к клетке.*) Вот он, наш Клаузевиц! Проживет триста лет! И ничего не расскажет!

Сцена шестая. Чонгар

Салон-вагон. Входят Слащёв и Морозов.

МОРОЗОВ. Яков Александрович! Чем могу служить?

СЛАЩЁВ. Мне нужен ваш военный совет... Насчет чонгарской позиции.

МОРОЗОВ. Красные хотят запереть нас в Крыму. Сооружают линии заграждения и подтягивают тяжелую артиллерию. Зря вы приказали чинить Чонгарский мост. Они могут его захватить.

СЛАЩЁВ. Я не собираюсь сидеть в Крыму, пока красные накопят достаточно сил для прорыва. Нам нужно самим идти в Таврию, на Украину. Там ресурсы! Там возможна борьба.

МОРОЗОВ. Чтобы наступать, необходимо выбрать главкома. Деникин обосновался в Феодосии...

СЛАЩЁВ. После, после! Вы наслушались Кутепова! А он... Василий Иванович! Смотрите сюда. (*Берет два стула, ставит в метре друг от друга. Кладет на них шапку.*) Вот Чонгарский мост. Здесь открытое дефиле длиной две версты. От середины это дефиле довольно круто понижалось в обе стороны – к нам и к противнику. Поэтому одна половина моста припадала, так сказать, нашему владычеству, а другая – противнику. На своей половине красные выставили для обороны дефиле орудия и пулемёты. По обе стороны дефиле – Сиваш.

МОРОЗОВ. Атаковать этот «сквозняк» – безумство! Самоубийство!

СЛАЩЁВ. А я считаю необходимым для успешной обороны владеть обоими выходами с моста.

МОРОЗОВ. Уже пробовали атаковать! Успеха не имели.

СЛАЩЁВ. Ну, в таком случае, я сам атакую противника, обороняющего «сквозняки», и захвачу его! (*Берет в руки шапку и цепляет на пояс.*) Нина!

Входит Нечволодова.

Передай начальнику Константиновского училища приказ. Немедленно прибыть с училищем в полном составе и с музыкой на позицию к Чонгарскому мосту. Под мое командование!

НЕЧВОЛОДОВА (*отдает честь*). Будет исполнено!

СЛАЩЁВ (*Морозову*). Пример начальника имеет в бою колоссальное значение. За храбрым офицером солдаты всегда пойдут. Даже на верную смерть.

МОРОЗОВ. Под пулеметы?

СЛАЩЁВ. Пулеметы – это скверно. Только руки дрожать будут у пулеметчика. От нашей музыки.

МОРОЗОВ. Что значит музыки?

СЛАЩЁВ. Пойдем с музыкой! В полный рост. С развернутыми знаменами! Нина! Ты пойдешь?

НЕЧВОЛОДОВА. Пойду, Яша!

СЛАЩЁВ (*Морозову*). Вот! Она пойдет! И я пойду! Впереди юнкеров. Одного подстрелят – второй вынесет. Нина! Вынесешь?

НЕЧВОЛОДОВА. Вынесу, Яша. Уже выносила.

СЛАЩЁВ. Тогда вперед! У Наполеона был Аркольский мост. И у меня будет!

Слащёв и Нечволодова уходят.

МОРОЗОВ (*крестится*). Дай-то Бог! (*Надевает фуражку и выходит.*)

Позиция у Чонгарского моста. Слащёв перед строем юнкеров.

СЛАЩЁВ. Здорово, молодцы!

ЮНКЕРА (*хором*). Здравия желаем, Ваше Превосходительство!

СЛАЩЁВ. Кто мы?

ЮНКЕРА. Добровольцы!

СЛАЩЁВ. А сколько нас?

ЮНКЕРА. Мало!

СЛАЩЁВ. А за что мы воюем?

ЮНКЕРА. За Отечество!

СЛАЩЁВ. Ординарец Нечволодов!

НЕЧВОЛОДОВА. Я!

СЛАЩЁВ. Выйти из строя!

НЕЧВОЛОДОВА. Есть!

СЛАЩЁВ. Поцеловать командующего!

НЕЧВОЛОДОВА. Слушаюсь!

Слащёв целует Нину.

ЮНКЕРА. Ура! Ура! Ура!

СЛАЩЁВ (*достаёт шапку*). За мной! С музыкой! По отделениям! В атаку! Шагом марш!

ЮНКЕРА. УРА-А-А-А-А!

Слащёв и юнкера идут в атаку. Играет марш Преображенского полка. Юнкера поют. Слышна стрельба...

«Славны были наши деды –
Помнит их и швед, и лях,
И парил орел победы
На Полтавских на полях!
Твёрд наш штык четырехгранный,
Голос чести не замолк.
Так пойдем вперед мы славно,
Грудью первый русский полк...»

Салон-вагон. Входят Морозов и Мезерницкий.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Слышали про Чонгарский мост?

МОРОЗОВ. Обошлось?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Слащёв повел юнкеров прямо на пулемет. Красивая, но жуткая картина!

МОРОЗОВ. Сколько их было?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Человек двести пятьдесят. Может... триста...

МОРОЗОВ. Триста спартанцев... как в учебнике.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Мост отбили! Штаб-ротмистр Шебеко убит. Ординарец Нечволодова ранен. Юнкера плачут... от радости.

МОРОЗОВ. А что Слащёв?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Послал за кокаином!

Сцена седьмая. Симферополь

Салон-вагон. Входят Кутепов и Слащёв. В вагоне беспорядок.

СЛАЩЁВ. Прошу прощения! У меня, как всегда, бардак! *(Берет тряпку с дивана.)* Это все мой попугай! Совершенно бескультурная птица! *(Накрывает клетку тряпкой.)*

КУТЕПОВ. Ничего! Я человек военный! Привык к походным условиям.

СЛАЩЁВ. Садитесь, генерал! Садитесь. Ну-с! О чем вы хотели говорить?

КУТЕПОВ *(садится и закидывает ногу на ногу, кладет фуражку на коленку).* Врангель плывет из Константинополя. Деникин пришвартовался в Феодосии. Шиллинг – в Севастополе.

СЛАЩЁВ. Куда вы метите?

КУТЕПОВ. Три главкома на один Крым – слишком тесно. Не находите ли?

СЛАЩЁВ. Отнюдь! *(Берет стул и садится по-кавалерийски.)* Я каждую минуту жду приказа от Шиллинга арестовать Врангеля и от Врангеля – арестовать Шиллинга. Одна радость, что войск ни у того, ни у другого в Крыму нет. *(Скачет на стуле в сторону Кутепова.)*

КУТЕПОВ. *(Встает и опирается руками на спинку стула Слащева.)* Зато у вас есть... Имя Шиллинга неприемлемо для тех, кто эвакуировался из Одессы, а Деникина – для тех, кто эвакуировался из Новороссийска.

СЛАЩЁВ *(пересаживается на стуле).* Остается Врангель...

КУТЕПОВ. Да, Врангель. Петр Николаевич блестящий кавалерийский офицер. Он порывист, нетерпелив, властен, при этом он реалист. Не чужд компромиссам... Качества вождя и диктатора у него есть.

СЛАЩЁВ. И как же Врангель станет главнокомандующим? *(Смотрит на Кутепова снизу вверх.)*

КУТЕПОВ. Принято решение провести совещание командиров корпусов и воинских частей...

СЛАЩЁВ. Выборы?

КУТЕПОВ. Да, выборы! Вы – против?

СЛАЩЁВ. Я не приемлю выборного начала. Преемник Деникина должен быть назначен самим Деникиным.

КУТЕПОВ. Вряд ли Антон Иванович решится назвать Врангеля своим преемником после всех тех интриг и памфлетов, которыми Врангель бомбардирует ставку.

СЛАЩЁВ. Значит, тупик! *(Встает и нервно ходит.)*

КУТЕПОВ. Армия не может быть без главкома... Вы популярны. Вы командуете Крымским корпусом. В армии Врангеля у вас останется много сторонников.

СЛАЩЁВ. Вот именно! В армии Врангеля.

КУТЕПОВ. Создайте свою армию. Поведите ее на Москву!

СЛАЩЁВ. Создать свою армию? Встать в оппозицию к тем, кто поддерживает Врангеля. Еще один раскол? Еще одна орловщина! Нам и так не хватает сил для борьбы с

большевиками. Выясним, кто здесь Наполеон? Перестреляем друг друга к радости товарища Троцкого!

КУТЕПОВ. Власть требует борьбы.

СЛАЩЁВ. Я веду борьбу с большевиками, а не за власть.

КУТЕПОВ. Если во главе нашей борьбы оказался не тот человек, в этом некого винить, кроме нас самих.

СЛАЩЁВ. Я не буду голосовать за Врангеля.

КУТЕПОВ. Но и не станете его свергать?

СЛАЩЁВ. Да! Меня сейчас больше занимает десант! Нам нужен прорыв в Таврию. На Украину! Крестьяне и украинцы – это две силы, на которые мы можем опереться в борьбе с большевиками.

КУТЕПОВ. А как же националисты? Украинские националисты. Они против нас. Петлюра? ЗУНР?

СЛАЩЁВ. Пока мы воевали с Радой да с грузинами за Сочи, большевики договаривались. Румыны не пустили наши части через границу. Чехи предали Колчака. Эстонцы арестовали Юденича.

КУТЕПОВ. Английская эскадра спасла Юденича.

СЛАЩЁВ. В любом случае, без союзников невозможно продолжать борьбу.

КУТЕПОВ. У нас есть союзники!

СЛАЩЁВ. Кто? Англичане-французы?

КУТЕПОВ. К сожалению, англичане уже договорились с красными. Деникин получил от них ультиматум. Ему предложили обратиться к советскому правительству. Добиться амнистии.

СЛАЩЁВ. А что французы?

КУТЕПОВ. Они советуют проявить силу, чтобы склонить красных к переговорам.

СЛАЩЁВ. Красные всё равно не оставят Крым в покое. ... А знаете, чем отличался Суворов от Ушакова?

КУТЕПОВ. Просветите...

СЛАЩЁВ. Ушакову нужны были покровители. Потемкин и прочие... А Суворов знал себе цену. Если он не возьмет Измаил, то никто не возьмет Измаил.

КУТЕПОВ. Значит, Яков Александрович, вы тоже знаете себе цену?

СЛАЩЁВ. Возможно... Нина!

Входит Нечволодова.

Проводи Александра Павловича!

Кутепов отдает честь. Уходит. Пауза. Слащёв нервно кусает губу ...

НЕЧВОЛОВОДА. Тебя что-то терзает?

СЛАЩЁВ. Может быть...

НЕЧВОЛОВОДА. Уступил место Врангелю?

СЛАЩЁВ. ...Жалко Крым! Засрут его краснопупызе!

Сцена восьмая. Севастополь

Резиденция Врангеля в Севастополе. Стоит большой стол, накрытый белой скатертью и сервированный для обеда. Баронесса Врангель поправляет фарфор. На ней длинное белое платье. Входит барон Врангель. На нем казачий мундир и черкеска. За Врангелем идет Сагацкий.

ВРАНГЕЛЬ. Оля. (*Снимает папаху.*)

БАРОНЕССА. Петр Николаевич. Обед готов.

ВРАНГЕЛЬ (*снимает черкеску*). Как ты и просила, собираем кровати и ванны у населения. Всё – для твоего госпиталя.

Юнкер Сагацкий уносит черкеску.

БАРОНЕССА. Только не перестарайтесь. Населению и так тяжело... Мы должны открыть еще один госпиталь.

ВРАНГЕЛЬ. У нас для этого совершенно нет средств...

БАРОНЕССА. Я поговорю с князем Юсуповым. Он мне не откажет. Буду собирать добровольные пожертвования...

ВРАНГЕЛЬ. С божьей помощью! (*Крестится на икону. Поворачивается к столу.*) Что тут у нас? Обед?

БАРОНЕССА. Ты просил накрыть стол на четыре персоны. (*Показывает на стол.*) Вуаля!

ВРАНГЕЛЬ. Я пригласил к обеду генерала Слащёва.

БАРОНЕССА. Он действительно тебе так нужен?

ВРАНГЕЛЬ. Мы должны отдать должное Слащёву. Как спасителю Крыма!

БАРОНЕССА. О нем разное говорят. Один или с женой?

ВРАНГЕЛЬ. С женой. Кажется, он был женат на дочери командира Финляндского полка. Недурной ход, я скажу. Дочь командира – вполне выгодная партия для нижних чинов.

БАРОНЕССА. Господин барон! У вас устаревшая информация. Слащёв развелся и отправил жену с дочкой во Францию.

ВРАНГЕЛЬ. Говорят, при нем неотлучно какая-то девица. Непрерывно курит и носит португепю. Не лучше казачки. Форменная баба.

БАРОНЕССА. Ее зовут Нина. Нечволодова. Ведёт себя безупречно. Она из хорошей семьи.

ВРАНГЕЛЬ. Насколько хорошей?

БАРОНЕССА. Ее дядя, генерал, кажется, служит у красных начальников Артиллерийского управления.

ВРАНГЕЛЬ (*подходит и целует жену*). Не знал, Ольга Михайловна, что ты дружишь с моей контрразведкой.

БАРОНЕССА. Я все-таки бывшая фрейлина Ее Императорского величества. Кстати, я встречала мадам Слащёву в Петербурге. У нее пара домов в Гатчине. Та еще генеральша. Характер!

ВРАНГЕЛЬ. Вот, значит, откуда Слащёв такой гусар.

Входит юнкер Сагацкий.

САГАЦКИЙ. Ваше превосходительство! Генерал Слащёв прибыли!

ВРАНГЕЛЬ. Зовите!

Сагацкий уходит. Входят Слащёв и Нина. На Нине белая гимнастерка с двумя геогриями и синее галифе. На Слащёве белый китель с ментиками и красное галифе.

ВРАНГЕЛЬ. Дорогой Яков Александрович! Для меня честь принимать у себя дома спасителя Крыма!

СЛАЩЁВ. Благодарю, господин барон! Разрешите представить. Мой ординарец и жена Нина Николаевна Нечволодова.

ВРАНГЕЛЬ. Очень приятно! Проходите. А это моя жена Ольга Михайловна, урожденная... Иваненко...

СЛАЩЁВ (*кланяется*). Мадам! Фамилия гетманов Валахии?

ВРАНГЕЛЬ. Ольга Михайловна имеет в предках самого Мазепу.

БАРОНЕССА. Не слушайте вы барона! Всё в прошлом. Чувствуйте себя как дома.

СЛАЩЁВ (*целует руку баронессы*). Баронесса! Ваши заботы о госпиталях выше всяческих похвал... Интенданты вас боятся почище красных!

БАРОНЕССА. Попечение о раненых – это всё, что мы, женщины, можем сделать для защитников отечества.

ВРАНГЕЛЬ. Господа, прошу к столу!

Все садятся. Входит Сагацкий и ставит на стол супницу. Ольга Михайловна разливает суп половником по тарелкам.

ВРАНГЕЛЬ. Чем сегодня потчуют?

БАРОНЕССА. Буйабес!

ВРАНГЕЛЬ. Qu'est-ce que Bouillabaisse?

СЛАЩЁВ. Марсельская уха. Суп французских рыбаков.

ВРАНГЕЛЬ. Почему рыбаков?

СЛАЩЁВ. Сыпали туда всякую чепуху. А теперь это деликатес... (*Ест.*)

БАРОНЕССА. Как вам?

СЛАЩЁВ. После окопных щей просто шедевр!

ВРАНГЕЛЬ. Недурной вкус, я бы сказал...

СЛАЩЁВ. У вашей жены, барон, незаурядная внешность и кулинарные способности. Все только и говорят: «Вы не видели Ольгу Михайловну?..», «Ольга Михайловна поможет... напишет... скажет... сделает...». Никто не может с таким искренним участием поговорить с простым казаком, солдатом, офицером, ставшим инвалидом, с безутешными матерями и вдовами, как это делаете вы, мадам!

БАРОНЕССА. Спасибо, Яков Александрович. Но это лишнее. Мы всё отдаем на благо России... Говорят, вы любите птиц?

СЛАЩЁВ. Очень! У меня в вагоне живут журавль, ворон, ласточка и скворец.

НЕЧВОЛОДОВА. Яша заботится даже об увечных...

СЛАЩЁВ. А некоторые... называют мою любовь к птицам юродивой.

БАРОНЕССА. Не могу похвастать таким разнообразием. Я приготовила на горячее курицу... А вы, Нина Николаевна, почему так много молчите?

НЕЧВОЛОДОВА (*кладет ложку*). Курить хочется...

СЛАЩЁВ. Нина! Потерпи. Дойдем и до сигар.

БАРОНЕССА. Зачем же себя мучить. Прощу. Я покажу вам, где балкон... (*Женщины встают.*) Вы, наверное, чувствуете себя Жанной д'Арк в мужской одежде?

НЕЧВОЛОДОВА. Когда я работала в госпитале, то носила платок и юбку. А в окопе и в седле – удобнее в шароварах.

Баронесса и Нина уходят. Слащёв и Врангель молча едят суп.

ВРАНГЕЛЬ. Как вам наше текущее положение?

СЛАЩЁВ (*откидывается на спинку*). Теперь, когда вся добровольческая армия осела в Крыму, я хочу подать рапорт об отставке...

ВРАНГЕЛЬ. Это серьезное намерение?

СЛАЩЁВ. Да!

ВРАНГЕЛЬ. Тогда вы должны объяснить свои мотивы.

СЛАЩЁВ. Извольте. (*Встает и снимает салфетку, бросает на стол.*) Кажется, мы начинаем плясать под дудку французов. А подняли мы восстание против Советской власти,

поставленной немцами. Чем немцы хуже французов? Я считаю, что Добровольческая армия превратилась в наемников иностранного капитала. Я на эту роль не гожусь!

ВРАНГЕЛЬ. Союзники дают нам оружие. Танки. Аэропланы.

СЛАЩЁВ. И хотят, чтобы мы отдали Украину Польше?

ВРАНГЕЛЬ. А что вы предлагаете?

СЛАЩЁВ. Мы должны идти туда, где население недовольно властью большевиков и поднимает против нее восстания.

ВРАНГЕЛЬ. Пойдем через Донбасс. Это приблизит нас к Дону.

СЛАЩЁВ. На Дону нет ни оружия, ни людей. Всё уже давно мобилизовано. И нами, и красными. Нам нужно идти на Украину. Готовить десант. Формировать повстанческий штаб.

ВРАНГЕЛЬ. Украинский вопрос будет обсуждаться на совещании у союзного командования, как и вопрос о наделении крестьян землей. Я подготовил законопроект.

СЛАЩЁВ. Декларация будущих реформ?.. Поздно! Всё поздно!

ВРАНГЕЛЬ. Нет, Яков Александрович. Вы многое не знаете! Мы ещё повоюем. Нам ещё предстоит испить горькую чашу до дна!.. *(Пьет.)* Кстати, какое ваше мнение о генерале Кутепове?

СЛАЩЁВ. Строевой офицер. Александр Павлович с момента своего производства не брал в руки книги. Он недурно командует ротой. Но не больше.

ВРАНГЕЛЬ. Прямая характеристика. Я хочу назначить его командиром Первого корпуса. Вчера на совещании Кутепов сказал: «Я требую замены Слащёва лицом, которое могло бы пользоваться доверием как войск, так и населения».

СЛАЩЁВ. И что вы ему ответили?

ВРАНГЕЛЬ. Пока командует Слащёв, фронт – непоколебим.

Слащёв сначала улыбается, потом нервно смеется, потом хохочет.

СЛАЩЁВ. Вы дадите ход моему рапорту?

ВРАНГЕЛЬ. В любом случае я не приму вашей отставки.

СЛАЩЁВ. Я его уже написал! *(Достаёт и кладёт рапорт на стол.)*

ВРАНГЕЛЬ. Ваш уход – удар в спину всей Белой армии. С вашим именем слишком многое в Крыму связано. *(Вет рапорт.)* Я уже отдал приказ о переходе в наступление в Северную Таврию. Готовьте десант!

СЛАЩЁВ. Экскурсия за хлебом?

ВРАНГЕЛЬ. Можно сказать и так. Ваш корпус планирую на Мелитополь.

Входят Нина и Баронесса.

НИНА. Яша... Яков Александрович... нам пора ехать.

СЛАЩЁВ. Прошу меня извинить!

ВРАНГЕЛЬ. Прощайте, генерал... Скоро наступление!

Слащёв и Нечволодова уходят.

БАРОНЕССА. Толком и не поели... *(Переставляет на столе тарелки.)*

ВРАНГЕЛЬ. Кто-то много курит. Кто-то подает рапорта... Одет как попугай. *(Разбрасывает рваную бумагу.)* Надо прибраться.

БАРОНЕССА. Не шуми! Слащёв еще совсем молодой человек. По натуре своей он гораздо лучше, чем его сделали безвременье и успех. Он человек поэты, с большим честолюбием и густым налетом авантюризма... При этом он большой талант. Отпустил бы ты его на все четыре стороны... Пусть летит с Богом к своим птичкам. Пусть остается при своих чудачествах... Помнишь, о чем я тебя утром просила?

ВРАНГЕЛЬ. У меня два главных врага: это жена и владыка Вениамин. Да, да, Оля. (*Берет ее руку и целует.*) Вечно вы просите за каких-нибудь мерзавцев. Не для удовольствия же я утверждаю смертные приговоры. Необходимость заставляет. Если не казнить сейчас одного, потом придется казнить десять. Или они нас будут казнить. ... А насчет Слащёва. После смерти Каппеля Слащёв – единственный, кто может бить красных. Если он даже воткнет павлинье перо себе в з...цу, но будет продолжать так же хорошо драться... Только это мне нужно.

БАРОНЕССА. Фи! Мон шер! Выбирайте слова! ... Я сделаю тебе кофе. (*Уходит.*)

ВРАНГЕЛЬ. Удивительные все русские люди. В Англии каждый англичанин имеет свои причуды, но он отдает причудам часы отдыха, а у нас генерал, командующий фронтом, во время разработки плана военных действий играет с попугаем.

Сцена девятая. Каховка

Салон-вагон. Слащёв лежит на диване. Входит Нина и бросает ему мешок с орехами.

НЕЧВОЛОДОВА. Еле достала. Не до орехов сейчас...

СЛАЩЁВ. Молодец, Нина! Ну что, птичка? Будет тебе на орехи! (*Идет кормить попугая.*) Совсем мы про тебя забыли. То десант, то конница. Жлобы. Шесть тысяч красных прорвались к нам в тыл. Думали, мы попрыгаем на суда и тикать. Дудки! (*Сыплет орехи.*) На! Еще покушай! Окружили мы красных с трех сторон. Василий Иванович Морозов со своей дивизией из Крыма подоспел. Они подергались – и назад на север. Только я на Токмакской насыпи поставил четыре бронепоезда. Орудия, пулеметы. Жлоба еле убежал. Пять тысяч коней с седлами нам оставил.

НЕЧВОЛОДОВА. Я на улице. Курю. (*Уходит.*)

СЛАЩЁВ (*попугаю*). Яша! Яша! Яша хороший...

Входит Мезерницкий.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Ваше превосходительство!

СЛАЩЁВ. Что Врангель? Подписал награждение?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Приказывает взять Каховку!

СЛАЩЁВ. А мой рапорт?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Отказ!

СЛАЩЁВ. Как отказ? Опять отказ?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Ввиду отсутствия потерь Второй крымский корпус награжден не будет. Первый и Третий корпуса наградили, а Крымский –нет.

СЛАЩЁВ. Барон как-нибудь объяснил?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Сказал: «При десанте войска не понесли никаких потерь, то есть был не десант, а простая высадка с судов на берег.» Барон считает, что потери есть доказательство доблести и заслуживают награды.

СЛАЩЁВ. Победа должна достигаться малой кровью. Для этого мы и получаем военное образование. Отсутствие потерь свидетельствует только об искусстве руководившего войсками начальника.... Да было потери! Одного солдата придавило пароходом к балиндеру. Один офицер убит, несколько человек ранены. Это и есть пресловутое отсутствие потерь? ... У красных в тылу сейчас восстания. Крестьяне занимают днепровские плавни. Прсят помощи, оружие.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Никаких распоряжений на этот счет пока нет. Врангель выразил неудовольствие по поводу вашей последней операции.

СЛАЩЁВ. Почему?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Думаю, возникли трения с поляками. Да и наши хозяева французы тоже приложили к этому руку. У меня приказ! *(Протягивает Слащёву бумагу, но тот не берет.)*

СЛАЩЁВ. Что это?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. От Врангеля!

СЛАЩЁВ. Так скажи.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Требуется наступать и взять Каховку!

СЛАЩЁВ. С потерями? Чтобы было за что награждать? Красные так окопались, что потеряем половину людей. А конницу Барбовича нам оставили?

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Конница Барбовича ушла в тыл на переформирование.

СЛАЩЁВ. Тысячу жизней положим, а может две. Каховку взять?! А вот хрен ему! Рапорт напишу! Посмотрю, как он без меня Каховку возьмет! Я и Каховка – это как Суворов и Измаил!

МЕЗЕРНИЦКИЙ. Яков Александрович! А вдруг подпишет? Мы без вас пропадем!

СЛАЩЁВ. Ну и черт с ним! Отдохну. Пить стану больше. А то за боями привычки вредные утрачиваю. Пиши рапорт, капитан.

Диктует, Мезерницкий пишет.

«Срочно. Вне очереди. Главкому. Ходатайствую об отчислении меня от должности и увольнении в отставку. Основание: 1) удручающая обстановка, о которой неоднократно просил разрешения доложить Вам лично, но получил отказ; 2) безвыходно тяжёлые условия для ведения операций, в которые меня ставили (особенно отказом в технических средствах); 3) обидная телеграмма № 008070 за последнюю операцию, в которой я применил все свои силы согласно директиве и обстановке. Всё это вместе взятое привело меня к заключению, что я уже своё дело сделал, а теперь являюсь лишним. № 519, х. Александровский, 23 часа 2 августа 1920 года. Слащёв.» Отправь, Мстислав Владимирович, это аэропланом. Иди.

Мезерницкий уходит. Входит Нечволодова.

СЛАЩЁВ. Что, Нина? Скоро поедem в Крым.

НЕЧВОЛОДОВА. Врангель?

СЛАЩЁВ. Да, Врангель. Как тебе барон? Обед? Его жена явно неодобрительно смотрела на твои шаровары...

НЕЧВОЛОДОВА. Ольга Михайловна – герой. Она постоянно в госпиталях. Стольким раненым помогла.

СЛАЩЁВ. А ты разве не герой? Зачем ты идешь в атаку вместе со мной?

НЕЧВОЛОДОВА. Если тебя убьют, меня убьют рядом с тобой.

СЛАЩЁВ. Странно! Как будто тебе хочется, чтобы нас непременно убили...

Где коробочка?

НЕЧВОЛОДОВА. Я клала ее сюда. Эта? *(Достает коробочку.)*

СЛАЩЁВ *(берет и открывает коробочку).* Да. Коробочка с кокаином.

НЕЧВОЛОДОВА. Как сестра милосердия я – против!

СЛАЩЁВ. Хочешь, я и тебя угощу?

НЕЧВОЛОДОВА. Нет. Я лучше папироску... *(Уходит.)*

Сцена десятая. Ливадия.

Небольшая беседка, увитая виноградом. Плетеная мебель. Белый стол, стулья. Лавочка. В кресле-качалке сидит Слащёв без сапог в галифе и белой сорочке. У него стеклянный взгляд.

На коленях лежит плед. Входит Нечволодова с подносом. Ставит чай на стол. Хочет уходить.
Слащёв ловит ее за руку.

СЛАЩЁВ. Нина?

НЕЧВОЛОДОВА. Да?

Пауза.

СЛАЩЁВ. Забыл... (*Отпускает ее руку.*)

НЕЧВОЛОДОВА. Яша. Ты уже третью ночь не спишь. Так нельзя!

СЛАЩЁВ. Без канонады уснуть не могу. Мне надобно, чтобы что-то бахало... Или строчило.
Бах! Бах! Бах!

НЕЧВОЛОДОВА. У нас нет швейной машинки, чтобы строчить... Я сделала тебе чаю. Пей.
Он поможет... (*Берет плед и кутает плечи Слащёва.*)

СЛАЩЁВ. Я один не пью. Ты же знаешь!

НЕЧВОЛОДОВА. К тебе посетитель...

СЛАЩЁВ. Кто?

НЕЧВОЛОДОВА. Доктор.

СЛАЩЁВ. Не помню, чтобы вызывал...

НЕЧВОЛОДОВА. Его прислал сам Врангель. Велел тебя осмотреть...

Слащёв раскачивается на кресле и нервно смеется. Нечволодова уходит. Входит доктор в халате и с саквояжем. Ставит саквояж.

ДОКТОР. Яков Александрович!

СЛАЩЁВ (*сначала молчит*). ...Да-да!.. Эскулап?

ДОКТОР. Я должен вас осмотреть. Попрошу раздеться и лечь... на лавку...

Слащёв встает. Плед падает с плеч на пол. Доктор подбирает плед и стелет на лавку. Слащёв снимает сорочку и ложится на лавку.

ДОКТОР (*трогает*). Здесь болит?

СЛАЩЁВ. Болит.

ДОКТОР. Здесь болит?

СЛАЩЁВ. Болит.

ДОКТОР. А здесь?

СЛАЩЁВ. Тоже болит.

ДОКТОР. А где не болит?

СЛАЩЁВ. Везде болит! (*Садится на лавке.*) У меня восемь ранений и две контузии...

ДОКТОР. На чем же вы держитесь..?

СЛАЩЁВ. Кокаин. Могу и вас угостить...

ДОКТОР. Нет. Спасибо. У меня морфий имеется...

СЛАЩЁВ. Морфий? Надо попробовать. Для разнообразия.

Входит Нечволодова с письмами.

НЕЧВОЛОДОВА. Тебе письма. С фронта письма. Есаул Чернога привез.

СЛАЩЁВ (*резко оживился*). Каховка?? Она? (*Берет письмо.*)

НЕЧВОЛОДОВА. Да. Наступление провалилось. Красные захватили семь английских танков.

СЛАЩЁВ. Так и знал! (*Хлопает рукой по столу. Чашка звенит.*)

Нечволодова забирает со стола чашку.

Перебросят красные конницу Буденного в Каховку – наши войска до Крыма добежать не успеют...

Нечволодова уходит. Слащёв опускает руку и роняет на пол письмо.

Доктор что-то пишет.

СЛАЩЁВ. Доктор? Что вы там пишете?..

ДОКТОР. Фамилия интересная. Чернота! Может пригодиться. Для какого-нибудь рассказа...

СЛАЩЁВ. У Черноты есть ординарец. Звать «Люська».

ДОКТОР. Люська? Но это женское имя?

СЛАЩЁВ. Так она и есть баба! Люська!

ДОКТОР. У вас так принято – из жен ординарцев делать?

СЛАЩЁВ. Нет. Это на «добровольческой» основе...

ДОКТОР. У вас, Яков Александрович, сильнейшая неврастения. Рекомендую санаторное лечение. Лучше за границей. Швейцария. Воды.

СЛАЩЁВ. В заграничных банках на мое имя вкладов нет.

ДОКТОР. Тогда рекомендую вам побольше лежать. Смотрите на море. Кушайте виноград. Воздух в Крыму замечательный... Шесть лет непрерывной войны не могли не сказаться на психике. Нервная система истощена... Если война продлится еще год, на вас живого места не останется...

СЛАЩЁВ. Не продлится.

ДОКТОР. Мы победим?!

СЛАЩЁВ. Нет. На одного добровольца у большевиков четыре-пять насильно мобилизованных крестьян. Особенно преуспел Тухачевский. Расстрелы, взятие заложников, продотряды...

ДОКТОР. Значит, и нам надо проводить насильственную мобилизацию...

СЛАЩЁВ. У нас не получится.

ДОКТОР. Это почему же?

СЛАЩЁВ. Чтобы проводить насильственную мобилизацию, мы должны что-то сказать... Населению... А нам сказать нечего.

ДОКТОР. Святая борьба. Антибольшевизм.

СЛАЩЁВ. Антибольшевизм? Обречено. Наполеон был не только военным деятелем. Он знал, что делать. А мы не знаем... Как вас по батюшке?

ДОКТОР. Афанасьевич. Михаил Афанасьевич.

СЛАЩЁВ. Знаете что, Михаил Афанасьевич! Мы с вами еще обязательно встретимся...

ДОКТОР. В эмиграции?

СЛАЩЁВ. Нет. В Москве. Например, в театре. На вас будет костюм или фрак. Как у Вертинского. А на мне – **эполЕты**... И огромная звезда, усыпанная бриллиантами.

ДОКТОР. Вам, Яков Александрович, надо пожить спокойно. Отдохнуть. Теперь разрешите, откланяюсь...

Уходит. Входит митрополит Вениамин.

ВЕНИАМИН. Дорогой Яков Александрович!

СЛАЩЁВ. Явились меня отпевать? Сразу после доктора?

ВЕНИАМИН. Да что вы такое говорите? На вас лица нет! Белее, чем смерть!

СЛАЩЁВ. Смерть боится ко мне заходить, а вы нет.

ВЕНИАМИН. Вы нужны Отечеству. Вы теперь у нас знаменитость. Почетный гражданин Ялты Слащёв-Крымский. Указ о присвоении вам звания генерал-лейтенанта во всех газетах печатали.

СЛАЩЁВ. Слащёв-Крымский... Почти как Румянцев-Задунайский. Глупо! Но приятно!

ВЕНИАМИН. Вы заслужили!

СЛАЩЁВ. Заслужил? А вы знаете, что я теперь под следствием... Расстрелами злоупотреблял. Вешал людей без счета. Впрочем, все мои казни прописаны в газетах, а приговоры... в двух экземплярах...

ВЕНИАМИН. Да что вы оправдываетесь!

СЛАЩЁВ. Лучше скажите, как была воспринята моя отставка?

ВЕНИАМИН. Буржуазные слои волнуются. Врангель не внушает населению доверия как военачальник, ибо принадлежит к новороссийским пораженцам и беженцам.

СЛАЩЁВ. Ко мне сейчас каждый день делегации ходят. От украинских и татарских организаций. Но все это не из любви ко мне. А из-за боязни красных!

ВЕНИАМИН. Чего же они от вас хотят?

СЛАЩЁВ. Спасения Отечества!.. А меня назначили зрителем без власти. Врангель подписал мой раппорт! *(Берет плед и накрывает свою голову.)*

ВЕНИАМИН. Мы вам всё равно верим. Слащёв Крым не сдаст...

СЛАЩЁВ. *(Произносит монолог с пледом на голове, так что лица не видно.)* На наших глазах разложилась, проиграла войну и прекратила свое существование одна из величайших армий мира. Потом Советская власть закрыла базары и стала отбирать излишки продуктов. Наши люди встали под белое знамя частью идейно, а частью потому, что некуда было деваться. Партия Испуганных интеллигентов пополнила наши ряды. Генералы-монархисты, офицеры-октябристы, солдаты-эсеры. Не армия, а слоеный торт. Наполеон! А сверху Антанта вместо вишенки! Но как только наши генералы стали плясать под дудку иноземцев, появились старые помещики, потянувшие за собой старых губернаторов. Интересы мелкой русской буржуазии, создавшей Добровольческую армию, стали попирались интересами крупного международного капитала.

ВЕНИАМИН. Вы говорите так, будто мы с вами не свидетели, а виновники этой трагедии... За что нам, скажите, воевать? За царя?! Бога?! За веру?!

СЛАЩЁВ *(срывает с головы плед).* Царя расстреляли. Отчизну разграбили. А вера у каждого своя... У вас, к примеру, Вера Васильевна, а у Ибрагима – Агиля. *(Пауза.)* Белое движение началось с пятидесяти человек. Без всякой земли, без денег, без оружия. А расплодилось потом почти на всю русскую землю.

ВЕНИАМИН. Да уж, очень не хочется уступать Родину «космополитам-интернационалистам», «евреям» социалистам, безбожникам, богоборцам, царевубийцам, чекистам, черни. Сердце требует борьбы за Русь. До последней пяди земли. За «единую, великую, неделимую Россию»!

СЛАЩЁВ. Я всегда считал, что идею Царя надо сменить на идею Отечества.

Идея защиты и спасения Отечества – единственное, за что стоит бороться...

ВЕНИАМИН. Против мужицкого царства! А теперь стоит признать, что оно нас одолевает... Что же нам делать? Бежать? Эмиграция? Позор...

СЛАЩЁВ. Лавр Корнилов поэтому случаю говорил: «Если не победим, то покажем, как умереть!» ... *(Пауза. Слащев садиться на стул верхом.)* Мне намедни Николай приснился...

ВЕНИАМИН. Николай Угодник?

СЛАЩЁВ. Нет! Покойник. Его Императорское Величество... Проводит он, значит, смотр лейб-гвардии Финляндского полка и присваивает мне чин... генералиссимуса...

ВЕНИАМИН. А вы что?

СЛАЩЁВ. А я ему: «Кокаину хотите?..»

ВЕНИАМИН. Не хочу...

СЛАЩЁВ. Это я не вам... «Кокаину хотите?»

ВЕНИАМИН. Как-то неожиданно и некрасиво...

СЛАЩЁВ. Согласен...

Входит Нечволодова.

НЕЧВОЛОДОВА. Яша. Поешь. Я картошку с птицей приготовила.

СЛАЩЁВ (*Садится за стол иковыряя вилкой в тарелке*). Прощай, немытая Россия. Страна рабов, страна гусей...

НЕЧВОЛОДОВА. Это курица!

Сцена одиннадцатая. Перекоп

Штабной вагон генерала Кутепова. Морозов и Кутепов. Морозов стоит по стойке смирно.

Кутепов ходит мимо него.

МОРОЗОВ. Фронт прорван! Красные захватили Турецкий вал и обошли нас через Сиваш. Противник прибег к услугам Махно. Конница и тачанки прорвались вглубь полуострова.

КУТЕПОВ. Василий Иванович! Хуже новостей и быть не может. Врангель мне поручил оборону Крыма.

МОРОЗОВ. Готов исполнить ваш приказ!

КУТЕПОВ. Я хочу, чтобы ваша дивизия и конница Барбовича нанесли контрудар.

Входит юнкер Сагацкий.

САГАЦКИЙ. Генерал Слащёв!

КУТЕПОВ. А вот и наш черт из табакерки!

Входит Слащёв.

СЛАЩЁВ. Господа генералы! Час пробил!

МОРОЗОВ. Какими судьбами, Яков Александрович?!

СЛАЩЁВ. Из Севастополя от Врангеля. Ставка каждую минуту ждет падения Крыма. Назрела необходимость смены штаба.

КУТЕПОВ. Петр Николаевич мне телеграфировал насчет вас. Где сейчас главком?

СЛАЩЁВ. На миноносце. Обходит порты. Проверяет эвакуации. Пароходы с беженцами готовы выйти в море.

КУТЕПОВ. На миноносце оно безопаснее. Я слышал, что Главком издал указ о признании украинского языка и политической самостоятельности Украины.

СЛАЩЁВ. Да, издал.

МОРОЗОВ. Хочет дружить с Петлюрой?!

СЛАЩЁВ. Поздно! Петлюра уже всё потерял... в Украине. Теперь и мы потеряем Крым...

КУТЕПОВ. У нас еще есть войска. Мы тут с Василием Ивановичем думаем, как удержать фронт на Юшуньской позиции.

МОРОЗОВ. Остановим большевиков у Юшуни. Как в прошлый раз.

СЛАЩЁВ. Нет. Не останавливайте. Второй раз не бывает. Сейчас не март двадцатого, а ноябрь.

КУТЕПОВ. Что же тогда делать? У вас есть план?

СЛАЩЁВ. С отрядом в семьсот человек я засяду в горах Карасу-Базара, чтобы висеть у красных на флангах на пути в Керчь и Севастополь. Пока не закончится эвакуация из портов. Потом брошусь к Перекопу и прорвусь в Украину. Там мои люди смогут спастись. (*достаёт наган*) Потом заряджу пистолет одним патроном... и всё! (*крутит барабан*)

МОРОЗОВ. Красиво, но бесполезно!

СЛАЩЁВ. Я же дал слово, что Крым не сдам!

МОРОЗОВ. Нужно хотя бы попробовать, прежде чем умереть с честью.

КУТЕПОВ. Я не имею права об этом говорить. Это должно остаться известным только высшему командованию. Фрунзе...

МОРОЗОВ. Главком Южного фронта..?

КУТЕПОВ. ...Фрунзе обратился к нам с предложением немедленно прекратить борьбу и сложить оружие с гарантиями амнистии по всем проступкам, связанным с гражданской борьбой.

СЛАЩЁВ. Когда это было?

КУТЕПОВ. 11 ноября.

СЛАЩЁВ. Верить евреям, нанятым немцами, чтобы погубить великую Россию? Лучше красиво умереть! *(приставляет наган к виску)*

МОРОЗОВ. Мы теряем драгоценное время. Я немедленно подниму свои части. Разрешите атаковать красных?

КУТЕПОВ. С Богом, генерал!

Морозов уходит.

КУТЕПОВ. Что скажете? А вдруг Морозову и Барбовичу удастся остановить красных?

СЛАЩЁВ. Армия бежит! Врангель сам всё погубил. Издал убийственный приказ. «Союзники белых к себе не примут, за границей жить будет негде и не на что, поэтому кто не боится красных, пускай остается.» Это совсем разложило наши части. Все драпают на Севастополь. Морозов не продержится и трех дней.

КУТЕПОВ. Вы много еще не знаете. У меня телеграмма от Врангеля... Насчет Вас. *(Достаёт телеграмму.)*

СЛАЩЁВ. Внимательно слушаю.

КУТЕПОВ. *(читает)* «Задержать генерала Слащёва при себе и не допустить его возвращения в Севастополь. Барон Врангель». Полюбуйтесь сами! *(Протягивает Слащеву)*

СЛАЩЁВ. Барон не может мне простить Крымской славы.

КУТЕПОВ. Что ему ответить?

СЛАЩЁВ. Слащёв, как всегда, пьян! Прощайте, Александр Павлович. И не губите людей! Теперь каждый за себя...

Слащёв выходит.

КУТЕПОВ. В горах холодно... Не простудитесь...

Сцена двенадцатая. Константинополь – Москва

Первый финал. Константинополь. 1921 год.

За письменным столом сидит Врангель. Он пишет. Входит Кутепов.

КУТЕПОВ. Ваше Высокопревосходительство! Василий Васильевич Шульгин, член Русского совета, прислал телеграмму. Разрешите зачитать?

ВРАНГЕЛЬ. Читайте!

КУТЕПОВ. На Украине массовое антибольшевистское восстание. Хочу восстановить правительство в Одессе. Пришлите генерала для организации военной стороны дела.

ВРАНГЕЛЬ. Кого он просит?

КУТЕПОВ. Генерал-лейтенанта Слащёва Якова Александровича.

ВРАНГЕЛЬ. Почему его?

КУТЕПОВ. Слащёв – это имя. Слащёву верят. Слащёв справится. Дайте им Слащёва, раз они так просят. Иначе его истеричные брошюры совершенно уничтожат наш Галлиполийский лагерь.

ВРАНГЕЛЬ. У меня нет Слащёва!

КУТЕПОВ. Что значит нет?

ВРАНГЕЛЬ. Бежал в большевистскую Россию!

КУТЕПОВ. Как бежал?

ВРАНГЕЛЬ. Тайно!

КУТЕПОВ. Но это же конец!

ВРАНГЕЛЬ. Если уж большевики купили белого палача, то это действительно конец!

Второй финал. Москва, октябрь 1926 года.

Навстречу друг другу по улице идут Слащёв и Нечволодова.
Нина одета в пальто по моде 20-х годов. На Слащёве шинель без погон.

СЛАЩЁВ. Нина Николаевна!

НЕЧВОЛОДОВА. Яков Александрович!

СЛАЩЁВ. Как вам Москва?

НЕЧВОЛОДОВА. Теперь это совершенно другой город. Мне даже неловко... тут находиться...

СЛАЩЁВ. Разрешите пригласить вас в театр. Вы бывали во МХАТе?

НЕЧВОЛОДОВА. Почему в театр?

СЛАЩЁВ. Один доктор написал замечательную пьесу. Он тоже когда-то служил в Добровольческой армии. Михаил Афанасьевич. Помните?

НЕЧВОЛОДОВА. О чем пьеса?

СЛАЩЁВ. О нас с вами. О бывших.

НЕЧВОЛОДОВА. Вы так мрачно об этом говорите...

СЛАЩЁВ. Я бы сказал, реалистично.

НЕЧВОЛОДОВА. Как вы устроились?

СЛАЩЁВ. Преподаю на курсах «Выстрел». Много пишу. Прошу перевести меня в действующую армию.

НЕЧВОЛОДОВА. А у меня сейчас новая работа... Объединение «Красное кино» позвало на картину «Врангель». Консультантом. Кстати, меня просили переговорить с вами. Вас тоже хотят привлечь к этому делу...

СЛАЩЁВ. В качестве кого?

НЕЧВОЛОДОВА. Самого себя... Вы согласны?

СЛАЩЁВ. Я подумаю... Дайте мне руку. Прогуляемся до театра.

НЕЧВОЛОДОВА. Хорошо...

СЛАЩЁВ. Это лучше, чем разводить индюшек в Константинополе на ссуду Земского союза. Знаете, мне теперь часто снится Крым. Белый Крым. Белый. Как кокаин...

Уходят.

Финал третий. Москва. 1929 год.

Капитан Мезерницкий в старом пальто стоит у тумбы с афишами. На тумбе висит афиша, на которой крупно написано: «МХАТ. "Дни Турбиных." М А. Булгаков.»

Мимо бежит мальчишка с газетами.

МЕЗЕРНИЦКИЙ. *(Останавливает его и покупает газету. Разворачивает, читает, закрывает, снова открывает, снова читает уже вслух.)* «11 января 1929 года на своей квартире был убит А. Слащёв. Опечатка. Неизвестный, войдя в квартиру, выстрелил в Слащёва и скрылся. Генерал Слащёв был одним из активных участников белого движения, снискавший весьма печальную память своей исключительной жестокостью и бесшабашностью. Тело Слащёва сожжено в Московском крематории. При сожжении присутствовали Уншлихт и другие представители Реввоенсовета. Газета «Правда», 13 января 1929 года.» ... Зря мы вернулись!

Мезерницкий оглядывается, кутается в пальто и быстро уходит, выронив газету. Газета медленно падает на землю.

Опускается занавес. На занавес проектируется большой портрет улыбающегося Слащёва в черкеске и папахе.

Раздаются выстрелы. Пули разрывают фотографию.

КОНЕЦ.